

Секция 5. Стратегии поведения социальных общностей и нелинейные социальные процессы: новые практики в образовании, культуре, управлении

УДК 314.7

И.Б. Бритвина,

профессор кафедры интегрированных коммуникаций и брендинга,
Уральский федеральный университет

А.М. Бритвин,

магистрант,

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

МИГРАЦИИ: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ИЛИ ЗАВОЕВАНИЯ?⁷

Аннотация. В статье обосновывается необходимость анализа внешней миграции с точки зрения интегративного подхода на стыке социологии и культурологии с учётом геополитических интересов. Проблема формирования общей идентичности коренных и приезжих связана со стратегиями аккультурации мигрантов. Неопределенность социальной структуры, ее размывание многомиллионным притоком иноэтничных мигрантов в условиях, когда цели приема неясны и не разделяются большинством членов принимающего социума, приводит к росту ксенофобских настроений в России.

Ключевые слова: внешняя миграция; иноэтничные мигранты; миграционный прирост; отношение к мигрантам.

I.B. Britvina,

Dr. of Sociological Sciences,

Professor at Integrated Marketing Communications and Branding Department,

Institute of Public Administration and Entrepreneurship,

Ural Federal University

A. Britvin,

master student,

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

MIGRATION: STRATEGIES FOR SURVIVAL OR CONQUEST?

Annotation. In this article the necessity of the analysis of external migration from the perspective of an integrative approach at the intersection of sociology and cultural studies, taking into account the geopolitical interests is proved. The problem of building a common identity of indigenous and visitors is associated with the strategies of migrants' acculturation. The uncertainty of the social structure, the erosion of its multi-million dollar inflow of migrants of other nationalities in the conditions when the goals are not clear and are not shared by most members of the host society, leads to the growth of xenophobia in Russia.

Keywords: external migration; migrants of other nationalities; migration gain; treatment of migrants.

Миграции населения – это сложный социальный процесс глобального характера. Вся история человечества демонстрирует нам стратегии выживания за счет

⁷ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-33-00010.

миграционных перемещений. В науке сосуществуют различные миграционные теории и подходы: неоклассические, макро- и микроуровневая теории, теория совокупной причинной обусловленности, теория новой экономической миграции, двойной трудовой рыночной миграции, мировой системы, социальных сетей, основного толчка и другие. Современная наука продемонстрировала, что миграционные процессы лишь частично поняты традиционными экономистами и не обусловлены лишь экономическими причинами. Западные исследователи связывают «неопределенность социальной структуры» (Р. Мертон) [7] с нерегулируемой миграцией из-за рубежа, наделяя современную социальную структуру европейских стран термином «Foggy Social Structures», что буквально переводится как «туманная социальная структура». Maritsa V. Poros, рецензируя книгу «Туманные социальные структуры: незаконная миграция, европейский рынок труда и благосостояния» (Bommes & Sciortino, 2012), отмечает, что данные авторы, желая избежать идеологических дебатов о законности/незаконности миграции, предпочитают анализировать эту проблему в рамках концепции неопределенности социальной структуры [13]. Такой подход позволяет утверждать наличие тесной детерминационной взаимосвязи между процессами нарастания количества иноэтнических мигрантов и процессами нарастания неопределенности социальной структуры, ее размывания, а соответственно и роста ксенофобии среди членов принимающего социума. Сторонники социокультурного подхода правомерно утверждают, что каждый мигрант является носителем специфической культуры (или субкультуры), которая так или иначе отличается от той культуры, в которой он вынужден адаптироваться [9]. В концепции миграционного перехода, сформулированной демографами, обосновывается взаимосвязь фаз миграции с соответствующими фазами демографического перехода. В политике и социальных науках миграция также тесным образом связывается с демографическими процессами и рассматривается и как их причина, и как следствие. Теории, развивающиеся на стыке экономики, социологии и культурологии, более содержательно объясняют поведение мигрантов (концепция нового синтеза, концепция социальной вложенности, концепция культурной вложенности/встроенности миграции, концепция депривации, неоинституционализации и др.).

Современная тенденция изучения миграции такова, что, при признании важности социальных аспектов миграции, необходима комплексная оценка, учитывающая взаимное влияние экономических и социально-культурных механизмов. В связи с этим миграцию следует трактовать не только как процесс перемещения по территории, но и как процесс социального взаимодействия всех субъектов перемещения, содержание которого связано и с фактом переезда, и с социальными изменениями отпускающих, принимающих и мигрирующих сообществ. Изменение образа жизни происходит не только у субъекта миграции. В результате миграционных процессов меняется образ жизни как отпускающей мигрантов общности, так и принимающей. У обеих сторон происходят и количественные, и качественные изменения демографического, профессионального, этнического состава, квалификационные характеристики работающего населения, соотношение коренного и некоренного населения и т.п. Степень готовности меняться у мигрантов зависит от выбранной миграционной стратегии, от желания/нежелания приспособиться к образу жизни принимающего сообщества. При отсутствии мотивации к адаптации возникают разного вида анклавные территории принимающего сообщества. Таким образом, социально-культурные характеристики принимающего и мигрирующего сообществ трансформируются.

Миграционные потоки второй половины XX в. существенно компенсировали демографический спад населения в Германии, Израиле и США. Трудовые мигранты

заполнили в основном места низкоквалифицированной рабочей силы и лишь частично места специалистов высокой квалификации. В начале XXI в. вооруженные конфликты в ряде стран Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии спровоцировали нарастание потока беженцев в Западную Европу. Эксперты заявляют, что современный миграционный кризис является крупнейшим со времен Второй мировой войны. По данным Европейского союза, в 2014 г. было получено 600 тыс. заявлений от беженцев. В 2015 г. мигранты подали более миллиона заявлений на предоставление убежища. Около 800 тыс. мигрантов прибыло в Евросоюз незаконно через Грецию и Турцию [12]. Россия является и страной приема мигрантов (иммигрантов) и их транзита, и страной оттока мигрантов (эмигрантов). Россия вошла в тройку ведущих мировых центров иммиграции (после США и Германии), а в 2007 г. вышла на второе место в мире по количеству принимаемых мигрантов (после США). По данным Управления Федеральной миграционной службы, поток иноэтничных мигрантов в Россию с 2009 г. вырос на 40 % (граждане стран СНГ составляют 70 % мигрантов) [3]. В 2013 г. миграционный прирост значительно усилил небольшой естественный прирост населения России, обеспечив 92,5% общего прироста численности населения страны [4]. Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область – центры наибольшей концентрации финансовых ресурсов – являются и центрами присутствия иноэтничных мигрантов. На эти регионы приходится более трети миграционного потока. К центрам притяжения мигрантов относится и г. Екатеринбург. По объемам привлечения иностранной рабочей силы Свердловская область переместилась на 7-е место в Российской Федерации и на 3-е место в Уральском федеральном округе [8]. В общей сложности на начало июля 2015 г. на территории России находились 4393773 гражданина центрально-азиатских республик [5]. По косвенным данным, уровень «накопленной» иммиграции приближается к 30 млн чел. [1].

Необходимость и полезность внешних мигрантов как рабочей силы и как демографического ресурса декларируется официально [11]. А. Вишневский, Ж. Зайончковская, М. Денисенко и др. отечественные исследователи уверены, что Россия нуждается в мигрантах из других стран, ежегодный прирост которых следует довести до 300–500 тыс. в год [6]. Однако миграционный приток имеет много минусов, минимизацией которых никто системно не занимается, а экономические и демографические выгоды оборачиваются продуцированием проблем другого уровня (идентичность, фобии, нагрузка на социальную сферу, проблемы мигрантов второго поколения и т.д.). Базовой в этом отношении является проблема адаптации иноэтничных мигрантов, но многоуровневая система факторов формирования идентичности приезжих и принимающего социума исследована недостаточно. Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, эффективность формирования идентичности коренных и приезжих зависит от стратегии аккультурации, которую выбирают мигранты. Этот выбор, по его мнению, связан с дилеммой: стремлением поддержать «свою культуру» и стремлением участвовать в межкультурных контактах. Исходя из этого, Дж. Берри выделяет четыре степени адаптации: ассимиляция (абсолютное принятие чужой и отказ от своей культуры); интеграция (сохранение своей культурной идентичности и одновременное присоединение к доминирующему обществу); сегрегация или сепарация (полное сохранение своей культурной идентичности и отказ от принятия культуры большинства); маргинализация (потеря культурного и психологического контакта как со своей традиционной культурой, так и с культурой большего общества) [2]. Таким образом, одним из ключевых понятий такого подхода является изменение

идентичности под влиянием социокультурной ситуации в обществе и статусов взаимодействующих групп.

Не может не волновать тенденция изменения этнического состава жителей Среднего Урала. По данным А.Н. Старостина, за межпереписной период с 1989 по 2010 гг. на территории Свердловской области в 4,4 раза увеличилась группа народов Восточной Азии, более чем в два раза – группа народов Центральной Азии и группа народов Закавказья, в 1,2 раза – народов Северного Кавказа; и, напротив, сократилась численность славянских, финно-угорских народов, а также татар и башкир [10]. Однако культурная идентичность приезжих из стран Средней Азии, составляющих большинство потока внешних мигрантов, не совпадает с идентичностью местного населения и размывает ее. Эти процессы обостренно воспринимаются коренными жителями. Осуществленные нами в 2014 г. опросы жителей Екатеринбурга и г. Берёзовского (Свердловская область) были направлены на изучение значимых для горожан условий и обстоятельств жизни. Так, жители мегаполиса продемонстрировали свою чувствительность к наличию значительного количества внешних мигрантов. Подавляющее большинство опрошенных на 3–5 баллов оценили важность для них этой проблемы (65 % респондентов). Лишь 8,9 % опрошенных екатеринбуржцев ответили, что лично для них эта проблема совершенно незначима. Кроме того, 53,5 % респондентов считают, что рост числа гастарбайтеров обостряет и многие другие проблемы. Г. Берёзовский, несмотря на иные цивилизационно-урбанистические показатели, демонстрирует ту же тенденцию (61 % опрошенных).

По подсчетам исследователей, во второй половине XXI в. мигранты и их потомки могут превысить половину населения РФ. Таким образом, современные миграции, имея экономическую подоплеку, фактически спровоцированы глобальными игроками, что превращает естественное течение этих процессов в неуправляемые потоки, способные обострить ситуацию в любом регионе России.

Библиографический список

1. Агентство политических новостей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apn.ru/library/article31397.htm> (дата обращения 01.04.2016).
2. Берри Дж.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3/4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html (дата обращения 07.04.2016).
3. Взгляд: деловая газета. 28.12.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/12/28/722641.html> (дата обращения 07.04.2016).
4. Демоскоп Weekly. 2014. № 609/610. 8–21 сент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0635/barom01.php> (дата обращения 01.04.2016).
5. Единая миграционная служба. [Электронный ресурс]. 04.07.2015. Режим доступа: <http://www.grrf.ru/smi-o-nas/novosti/470-kolichestvo-trudovykh-migrantov-iz-kirgizii-tadzhikistana-i-uzbekistana-v-rossii-prodolzhaet-rasti.html> (дата обращения: 01.04.2016).
6. Зайончковская Ж.А. Миграции населения России: новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. М.: Ваш выбор. – 1997. – С. 30–37.
7. Мертон Р. Социальная структура и аномия. Socioline.ru. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/r-merton-sotsialnaya-struktura-i-anomiya> (дата обращения 20.03.2014).

8. Миграционная служба Свердловской области. [Электронный ресурс]. 22.01.2014. Режим доступа: <http://ufms-ural.ru/news/view/365> (дата обращения: 07.04.2016).

9. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. – М.: Смысл. – 2001.

10. Старостин А.Н. Интеграционный потенциал Среднего Урала: риски, тенденции и перспективы // Проблемы соблюдения прав человека в условиях массовой трудовой миграции: спец. доклад. Екатеринбург. – 2013. – С. 35–59.

11. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года: распоряжение Правительства РФ от 18 дек. 2006 г. № 1760-р.

12. Форум переселенческих организаций [Электронный ресурс]. 21.03.2016. Режим доступа: <http://migrant.ru/desyataya-sessiya-dialoga-rossiya-es-po-migracii> (дата обращения 07.04.2016).

13. Poros M.V. Foggy Social Structures: Irregular Migration, European Labour Markets and the Welfare State // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. – 2013. - № 42. – P. 827–829.

УДК 316.6

Т.В. Деревнина,

магистрант,

Уральский федеральный университет

П.А. Амбарова,

к.с.н., доцент,

Уральский федеральный университет

г. Екатеринбург, Россия

САМООБРАЗОВАНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО – ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИИ⁸

Аннотация. В статье раскрывается значение самообразования как особого направления профессиональной деятельности учительства и стратегии его развития. Показано, что самообразование является не дополнительным, а самостоятельным видом деятельности, имеющим собственные цели, способы, результаты. Делается вывод о роли субъективных факторов: мотивации к самообразованию, его места в системе ценностных ориентаций учительства. Подчеркивается значение объективных факторов, прежде всего, наличие достаточных финансовых и временных ресурсов, необходимых для реализации потребности в самообразовании.

Ключевые слова: социально-профессиональная общность, учительство, самообразование, педагогическое самообразование, стратегия развития социально-профессиональной общности.

T.V. Derevnina

master,

Ural Federal University

P.A. Ambarova,

associate professor,

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».